

НОВЫЙ ФОРМАТ

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

САВВА

ЯМЩИКОВ

СЛУЖУ
ПО РОССИИ

Жизнь в искусстве (Алгоритм)

Савва ЯМЩИКОВ
Служу по России

«Алисторус»

2014

УДК 329
ББК 63.3(2)

Ямщиков С. В.

Служу по России / С. В. Ямщиков — «Алисторус»,
2014 — (Жизнь в искусстве (Алгоритм))

ISBN 978-5-4438-0572-6

Знаменитый реставратор, искусствовед, один из самых видных общественных деятелей нашего времени Савва Васильевич Ямщиков не уступал в яркости и остроте публицистики асам пера. Его выступления в печати и в эфире, по словам Александра Проханова, являлись «живым и страстным орудием воина, проповедника и просветителя». Он неустанно отстаивал честь поруганных национальных идеалов. Родина была для него святыней. Душа его, болеющая за Россию, ее культуру, особенно тяготела к провинции. «Москва для России – мачеха, а провинция – мать родная, – любил повторять Ямщиков. – Жизнь моя личная и творческая отдана русской провинции, и я благодарен Богу за это». Он боролся за памятники истории и культуры Пскова, Суздаля, Великого Новгорода, за возвращение из небытия наследия гениального костромского художника Ефима Честнякова... Слово подвижника нашего Отечества по-прежнему актуально. За четыре года, прошедшие после его смерти, практически ничего не изменилось к лучшему. Читая эту книгу, нельзя не поразиться пророческому дару ее автора.

УДК 329
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0572-6

© Ямщиков С. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

К моему читателю	7
Послушание истине	10
Начало	10
Мне Карелия снится	15
Тихая моя Вологда	19
Новгород всегда Великий	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Савва Ямщиков

Служу по России

В книге использованы фотографии из архива Марфы Ямщиковой

© Ямщиков С. В., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

К моему читателю

Работая всю жизнь художником-реставратором и одновременно занимаясь популяризацией этого редкого, сложного, интересного труда, я никогда раньше не тяготел к мемуарному жанру. В книгах, статьях, телепередачах рассказывал о свежих, только что состоявшихся открытиях, выставках, научных дискуссиях. Но, видно, всему своё время. Годы, а главное болезнь, на несколько лет прервавшая моё общение с миром, заставили сосредоточиться на прошедшем и по-новому вспомнить тех, с кем благодаря профессии художника-реставратора довелось работать, дружить, иногда – конфликтовать. Люди это были замечательные, уникальные. Правда, кому-то они сегодня покажутся странными чудаками, но я-то рассчитываю, что меня будут читать люди, заинтересованные тем делом, которому посвятили себя герои этой книги. Для них главным в жизни стало сохранение памятников, традиций народа, а значит – сбережение его памяти.

Пожалуй, нет такого места, связанного с развитием древнерусской архитектуры, иконописи, литературы, где бы я ни побывал. Причем побывал не наскоком. Многие месяцы и годы прошли в работе с иконами, русскими портретами XVII – XIX веков в музейных собраниях Вологды, Петрозаводска, Костромы, Ярославля, Ростова, Переславля Залесского, Смоленска... Трудясь реставратором, я обычно только треть года проводил в Москве, всё остальное время – экспедиции, походный быт, ночёвки в палатках, домах-вагончиках, а случалось, и в крестьянских избах. Теперь уже знаю точно, что лучшее время жизни прошло в деревне Ерсново, в доме плотника Бориса Федоровича Елупова, любовно и как-то очень просто сохранявшего рукотворные жемчужины Кижей.

Там, в тихих деревнях и древних городах провинциальной России, я открывал для себя, какой он – подлинный патриотизм, и начинал постигать мудрую философию народной жизни.

Я, выросший в бараке на Павелецкой набережной, лишённый наставничества погибшего в войну отца, опекаемый бабушкой, ибо мама с утра до вечера трудилась, чтобы не умерли мы с братом с голоду, сам занимался своим образованием и устройством в жизни. Мне бесконечно повезло на встречи с уникальными людьми, начиная с университетских профессоров и кончая выдающимися спортсменами, сотрудниками провинциальных музеев, одарёнейшими реставраторами, плотниками, сохранявшими сокровища Кижей, блестящими русскими офицерами, кинооператорами, писателями и просто одарёнными натурами.

В политической науке я не сильно подкован, с диаматом и истматом в университете не «дружил», хотя основные марксистские труды изучил. На веру принять их постулаты не мог, ибо я из старообрядцев и незаконно раскулаченных. Большинство родичей сгинуло вдали от родимых мест. Дед по матери сидел и умер в селе Шушенском. До сих пор храню его письма с обратным адресом, который ранее помечал на своих конвертах вождь революции. Всё, чем мне довелось заниматься в жизни – реставрация, искусствоведение, телевидение и пресса, – было не благодаря, а вопреки. Известную балерину спросили: как-то стимулировала ли её творчество закулисная борьба? Недолго думая, она ответила, что иногда травля заставляла мобилизоваться, но лучше бы грязных склок не было. А мне всё время приходилось собачиться с министерскими чиновниками и дураками, приставленными к нашему делу. Каждое открытие, выставка, каталог, альбом, книга давались с кровью. Некоторые полупрезрительно называли меня везунчиком. Если и везло мне в работе, то исключительно по воле Божией. Наряду с тупоголовыми начальниками, довелось мне в те времена встретить редкостных людей. Прежде всего университетские учителя помогли мальчишке из барачников найти своё место в науке, а значит, и в жизни. В. М. Василенко, В. И. Лазарев, В. В. Павлов, Е. А. Некрасова, В. В. Филатов не только открыли передо мной мир прекрасного, но и научили родное Отечество любить. А Николай Петрович Сычёв, отправленный на 20 лет в ГУЛАГ с поста директора Русского музея,

ещё до революции входивший в золотую плеяду русских учёных, целых семь лет занимался со мною в маленькой квартирке на Чистых Прудах. Во Пскове его первый ученик Л. А. Творогов, прошедший с наставником каторжный путь, многие годы являл мне пример мужества и преданности любимому делу. Родившийся инвалидом, обречённый на неподвижность, он до 83 лет оставался героем, которому любой кадет из «Сибирского цирюльника» в ноги поклониться должен. Он создал во Пскове первую в мире библиотеку из библиотек: от рукописей XII века из Мирожского монастыря до книжных собраний Ганнибалов, Яхонтовых, Назимовых, Блоков и других псковских семей. Американские и английские слависты восторгались его немногочисленными статьями, а в местном музее, да и в Пушкинском Доме зачастую посмеивались над странным калеккой, играющим на костылях в волейбол и кормящим из скудной полочки десятки собак и стаи голубей. Во Пскове же встретил я Л. Н. Гумилёва, приехавшего к здешним кузнецам заказывать крест на могилу матери. Встретил, подружился и до последних дней талантливейшего ученого и замечательного человека окормлялся от щедрот его. А сколько мне богатств подарили годы общения с К. Я. Голейзовским – прекрасным художником, учеником М. А. Врубеля и В. А. Серова, основоположником современного балета, как его именуют мировые словари хореографии. В той эпохе было немало людей высокой культуры и истинной интеллигентности.

Реставрацией икон я занимался целых двадцать лет. Это были самые счастливые годы. Будучи человеком глубоко верующим, я никогда не перестану славить подвиги таких подвижников музейного и реставрационного дела, как семья Федышиных в Вологде, Л. А. Творогова и Ю. П. Спегальского во Пскове, П. Д. Барановского, Н. П. Сычёва, Н. Н. Померанцева, жизни не щадивших во имя спасения духовного наследия Отечества.

Когда говорят, что музеи отнимали у церквей иконы, мне больно: я-то знаю, что такое труд музейщика. За нищенскую зарплату в течение семи десятилетий именно музейщики сохраняли наше духовное наследие, и очень многие при этом рисковали не только своей свободой, но и жизнью в буквальном смысле слова. Вспомним Барановского, который за свои убеждения реставратора пошёл в тюрьму. Но не надо забывать, что и духовенство тоже страдало – и в тюрьмах, и в лагерях. И больно, когда пытаются противопоставлять сегодня труд одних и веру других.

Я родился в Москве, но, наверное, давно бы сошёл с круга, если бы не проводил большую часть времени во Пскове, Петрозаводске, Кижях. Что такое Москва? Это конгломерат. Была бы она заштатным тихим городом, если бы не деловые ярославцы да костромичи, которые ещё в позапрошлом веке приспособили её для себя. Провинция – это чистота духовной жизни, которая всегда питала меня.

Трагичность нашей демократической ситуации в том, что каждый лишь думает, как бы побольше урвать, – и в столицах это захватило всех, а провинция сопротивляется этому, российская глубинка осознала, что без заботы о культуре мы просто погибнем. Да, я всегда с особым удовольствием еду и в Вологду, и в Новгород, и в Кострому, и, конечно, в Ярославль. Это спасительные оазисы после Москвы. В Москве царят мразь и запустение. Да и в Петербурге то же самое. К счастью, это не коснулось пока провинции. Москва и Петербург усиленно разлагают культуру. Провинция ей – мать, а столица – мачеха.

Затворничество последних лет открыло мои глаза на друзей истинных и случайных, относившихся ко мне потребительски, а иногда под личиной приятельства таивших зависть и даже злобу. Бог им судья, но уже сейчас видно, во что превращаются нередко одаренные от природы люди, лавируя между правдой и ложью, попирая принципы порядочности и честности и забывая время от времени перечитывать провидческие страницы гоголевского «Портрета».

Истинных друзей осталось немного, но мал золотник, да дорог. Постоянно я ощущал заботу и внимание со стороны коллег по работе в Институте реставрации, да и служащих в других реставрационных учреждениях; ни на минуту не оставлял меня без внимания Валентин

Лазуткин, один из тех, на ком держалось и держится отечественное телевидение. Трогательность и деликатность уроженца тёплой, благодатной Рязанщины помогала мне преодолевать тяжелые периоды полного отчаяния. Поддерживал меня своим сибирским духом и пониманием ситуации замечательный русский писатель Валентин Распутин, а его публицистические выступления и наши беседы о судьбах родной земли надолго отвлекали меня от повседневного уныния. Присылая книги с тёплыми автографами и советами, как надо лечиться травами, Виктор Петрович Астафьев не давал мне расслабляться и потерять веру в силу мужской дружбы. Очень переживал я, когда любимый писатель, пойдя на поводу своего не всегда уравновешенного характера и запальчивости, дал повод «демократической черни» записать его к себе в единомышленники, перессорить с товарищами по перу и даже проглотить наживку с ворованными премиальными от березовского «Триумфа». Знаю, как тяжело и больно стало его раскаяние, о котором он говорил своему постоянному собеседнику и младшему товарищу Валентину Курбатову. Описывал, как снится ему часто В. Г. Распутин и всё, что связано с прошлым писательским братством.

А жизнь за окнами моей своеобразной тюрьмы-больницы продолжала стремительно скапывать всё глубже и глубже к вратам преисподней. Представители «второй древнейшей профессии» не уставали врать, причём лож становилась всё цветистее по мере подкармливания её авторов вознаграждениями, зачастую превосходящими пенсионные бюджеты малых городов России. Особенно беззастенчивыми лгунами оказывались политобозреватели и шоумены, когда в дом родной приходила беда или очередная катастрофа заставляла вздрогнуть от беспощадности карающего нас меча...

Когда впервые после болезни наконец-то снова увидел Псков, какую же радость подарил мне город! Оказалось, мои опасения беспочвенны: Псков и в это тяжелое, полное противоречий время не утратил самобытности, неповторимого характера, творческой силы.

В художественном музее Наталья Ткачёва и её соратники на самом высоком профессиональном уровне реставрируют иконы. В Спасо-Мирожском монастыре москвич Владимир Сарабянов совершил поистине чудо – восстановил древнейшие фрески, которые мы, признаться, считали загубленными реставрацией XIX века. Лет десять я не видел результатов труда своего младшего коллеги и был буквально потрясен тем, как много может сделать один человек, если он так предан своей работе.

На псковской земле творит замечательный иконописец архимандрит Зинон. Здесь проводятся праздники классической музыки и выставки современной живописи. Типография, раньше печатавшая несколько газеток, сегодня выпускает книги и альбомы, не уступающие образцам итальянской полиграфии.

Надышавшись воздухом Псковского края, кто осмелится утверждать, что духовная элита общества обитает исключительно в столицах?! Совсем не случайно Петербургская Академия художеств, одна из лучших кузниц кадров реставраторов, каждое лето направляет своих студентов на практику именно во Псков. Они здесь совершенствуются в профессии, а заодно получают бесценные жизненные уроки. Преподаватели знаменитого вуза даже прикупили деревенку под Изборском и уже построили здесь часовню в память основательницы Пскова княгини Ольги.

Я был в деревне Олохово на Ольгин день, 24 июля. Старый батюшка, приглашённый из одной из печорских церквей, служил прямо на улице, перед часовней – всех пришедших она не вместила бы. В эти светлые, высокие мгновения, под этим единственным в мире неярким псковским небом открылся мне по-настоящему смысл пословицы, столь любимой Александром Исаевичем Солженицыным: «Пока есть хоть один праведник, не умрёт село, а пока не умрёт село, будет жить Отечество».

Трудно, беспокойно живётся нашим людям. И всё-таки я убежден в том, что переживём нынешнее лихолетье.

Послушание истине

Начало

Как я уже сказал, вырос я в бараке на Павелецкой набережной. Соседом был Володя Васильев, с которым в одном Доме культуры занимались в кружках: он – в хореографическом, я – в драматическом. Андрей Тарковский жил поблизости. В клубе завода Ильича вместе смотрели трофейные фильмы. Потом судьба свела меня с ними на многие годы в совместной работе и жизни. Мама моя вместе с дедом и бабушкой бежали в Москву от раскулачивания. Да и здесь проехалось по ним кровавое колесо: дедушка отсидел положенные десять лет плюс пятнадцать в селе Шушенском, там и похоронен. Кузнецы псковские, поехавшие приводить в порядок к 100-летию юбилею вождя знаменитую ссылку, работали в дедовой кузнице, а местные жители тепло о нём вспоминали.

Окончив школу, ткнулся я в Институт международных отношений. Сдал всё на пятерки, да не тут-то было: принимали туда по спецразрядке. Долго я ходил по шести гуманитарным факультетам МГУ на Моховой, прежде чем рискнул выдержать конкурс на искусствоведческое отделение истфака.

Немного рисовал, но никому не показывал. Зато историей живописи, театра и литературы был увлечён. Неплохо знал собрание Третьяковской галереи. И вот просматриваю сильно потрёпанную программу для абитуриентов и в первом вопросе натываюсь на такое сочетание: «Андрей Рубенс». Ничего себе! И главное, никто не поправил. Вот вам и толчок: думаю – пойду Из двадцати баллов набрал девятнадцать, по специальности получил пятёрку, а в билете одним из пунктов был рассказ об Андрее Рублёве. Истинно «от судьбы не уйдёшь».

На первом курсе, очарованный лекциями профессора В. В. Павлова по искусству Древнего Египта, начал я изучать иероглифы, написал доклад о фаюмских портретах и всерьёз решил стать египтологом. Но и тут не судьба. Хорошим бы я стал знатоком культуры фараонов, не имея возможности хоть разок побывать в Египте. Зато на втором курсе, на спецсеминаре по реставрации, окончательно остановил я свой выбор на изучении русской иконописи и восстановлении старых икон. Ведущий этот предмет Виктор Васильевич Филатов – первоклассный реставратор – что-то увидел в несформировавшемся юном студенте и пригласил меня на работу во Всероссийский центр реставрации, где он заведовал отделом. Мальчишкой попал я в Марфо-Мариинскую обитель, и она стала для меня подлинной alma mater.

Марфо-Мариинская обитель располагалась на Большой Ордынке. Молодые, мы не очень ценили атмосферу, окружающую нас, сохранившую духовный настрой, царивший некогда в церковном общежитии, руководила которым Святая Елизавета, Великая Княгиня, посвятившая всю свою жизнь православной идее и принявшая мученический венец, защищая ее от поругателей-большевиков. Дивный храм, построенный А. В. Щусевым и расписанный М. В. Нестеровым, как нельзя лучше соответствовал святому делу восстановления иконы русской. Сидел я в трапезной обители, украшенной великолепными фресками Нестерова. Руководила моими первыми, далёкими от профессионального знания опытами Евгения Михайловна Кристи – первоклассный реставратор, добрая и заботливая учительница. С ней я поехал в первые командировки и навсегда прикипел к древнему Пскову, навсегда осел в Карелии, работая в музее Петрозаводска и на острове Киж. Общение с такими знатоками древнерусского искусства, как Надежда Евгеньевна Мнёва, Николай Николаевич Померанцев, Павел Дмитриевич Корин, кстати, помогавший вместе с братом Александром М. В. Нестерову расписывать наш Покровский храм, обогащало копилку знаний такими вложениями, которые ни одна университетская лекция не могла предоставить.

Одна из самых первых моих командировок с реставрационным заданием – поездка в Киж.

Киж... Теперь редко встретишь человека, не слышавшего это слово. Уж очень проста и стремительна прогулка на современных «кометах» и «метеорах» из Петрозаводска к сказочному острову. Но не так давно всё было по-иному.

...Маленький пароходик должен был отплыть из Петрозаводска поздним вечером. Накапывал холодный осенний дождь. Он сыпал пятый день подряд. «Неужели и сегодня не уеду?» – задавал я себе в сотый раз один и тот же вопрос. Истекала первая неделя командировки, но я, кроме Петрозаводска, нигде и не был. А планы строил большие. Во главе маршрута, конечно, Киж. Очень хотелось поскорее увидеть их, сам не знал тогда, почему. Словно чувствовал, что надолго, может, навсегда, привяжусь сердцем к суровому северному краю.

Ранним утром в полной темноте наш пароходик гулко ударился о деревянный бок дебаркадера. Заскрипели доски. Полетела швартовая верёвка, пароход дал длинный гудок, и вскоре я остался один на один с ночью, холодной и тревожной. Под утро задремал в каюте дебаркадера, а когда проснулся, начинался серый дождливый день, точь-в-точь, как в Петрозаводске. От Васильевского дебаркадера до Кижей рукой подать, но сквозь дождь и туман их было не разглядеть.

«Вот там, за погостом, – показал старичок, хозяин пристани. – Иди по этому холму и аккуратно попадешь». Но мне посчастливилось увидеть, прежде чем «попасть». Пройдя с километр, я оказался на погосте и стал рассматривать деревянные кресты, надеясь найти среди них северные поклонные. В это время подул сильный ветер. Тучи разорвало. Солнце, выпущенное на свободу, озарило всё вокруг слепящим светом. Я посмотрел вперёд – и замер: прямо передо мной возносились купола кижских церквей, а над ними, от края до края небесного, засияла радуга.

Кижы. 1961 год. Одна из самых первых командировок с реставрационным заданием

...Солнце простояло в небе все двадцать дней, которые мы работали в Кижях. Мне и в мечтах не представлялось такое чудесное место, этот удивительный зеленый остров посреди бескрайних водных просторов. Но главное, что здесь я впервые увидел иконы, написанные заонежскими художниками, познакомился и близко сошёлся с их потомками – искусными северными плотниками, хранившими как зеницу ока архитектурное богатство, завещанное отцами и дедами.

В дом Ошевнёва – это один из объектов музея деревянного зодчества – свезено было около тысячи икон, возвращённых по мирному договору из Финляндии. Нашей задачей было разобрать их и перевезти в Петрозаводский музей изобразительных искусств. При разборе коллекции мы недосчитались досок «неба» из купола Преображенской церкви. Местные власти убеждали, что расписные паруса «неба» уничтожили финны, но пастор, отвечавший за возврат икон, убедил нас в обратном: «небеса» сожгли в Карелии. В правоту пастора ещё раз заставил меня поверить телевизионный сюжет, рассказавший о финском лётчике, который должен был забросать бомбами кижские церкви. Но, очарованный их красотой, он отказался. Не выполнил приказа и свалил взрывчатку в озеро. Мне хотелось ноги поцеловать этому святому человеку, шедшему, опираясь на палочку, по земле Кижского острова.

В ту сказочную осень сложилась многолетняя дружба моя с великим русским плотником Борисом Фёдоровичем Елуповым – старожилом Заонежья. Молодыми пацанами собрал их в бригаду замечательный московский архитектор-реставратор А. В. Ополовников, и в тяжёлые послевоенные годы, преследуемые местными атеистами, стали они починять кижские жемчужины, свозить на остров диковинные храмы и жилые дома из окрестных деревень. Ох и ребята же это были – красивые, сильные, добрые и с золотыми руками! Часами я мог наблюдать, как ловко и умело делают они своё тонкое дело. Брился я до звона заточенным топором елуповским, которым он затёсывал лемешины для кижских куполов. Переехал я с острова в дом Бориса в Ерзнёве, да так и остался там жить навсегда.

Бригада елуповская таяла у меня на глазах. Ребята хорошо работали, но и пили неплохо. А начальство, пользуясь результатами их труда и выдавая их успехи за свои столичному начальству, не позаботилось о продлении традиций плотничьего ремесла, не создало школу на острове. «Умрём мы, Савёлка, друг мой неоценный, – сетовал Борис Фёдорович, – и некому будет церкви охаживать. А как только железо внедрят в деревянную нежную плоть, погибнут наши любимицы». Как в воду глядел несостоявшийся генерал, как величали моего хозяина многочисленные московские друзья, отдохавшие в Кижях. Стоит Преображенская церковь, распёртая изнутри железными каркасами, и нет в ней былой жизни.

Отечественная реставрационная школа складывалась в Серебряный век русской культуры – начало XX века. Первые реставраторы формировались из потомственных иконописцев, из среды профессионалов-художников Палеха, Мстёры, Холуя. Они получали помощь и понимание со стороны живописцев: в первые реставрационные советы, кроме практиков, входили такие художники, как Коровин, Серов, Врубель, Нестеров. Этим был заложен успех дальнейшего формирования нашей реставрационной школы.

В годы ненастий столько было порушено, и лишь благодаря сложившейся реставрационной школе удалось поднять из руин многие памятники, восстановить картины из наших запасников, отреставрировать очень много икон...

Недавно в Новгороде я принимал участие в обсуждении с местными властями путей развития культурной жизни города. В частности, было принято решение о создании центра по подготовке реставраторов разного профиля – архитектуры, живописи, археологии. Реставрационное училище уже есть в Суздале. Преимущества такого обучения «на местах» очевидны.

Ребята учатся работать на том, что их окружает, – одно дело высококвалифицированные, но варяги, другое дело – свои.

К счастью, наступило время, когда возвращаются незаслуженно забытые имена. Назову нескольких. Николай Петрович Сычёв. Был известным специалистом-практиком по древнерусскому искусству. Искусствоведы этой школы обладали удивительным качеством: они могли рассказывать, например, о фресках XII – XIV веков так, словно с этими художниками на одних лесах работали... Н. П. Сычёв «оттянул» в лагерях двадцать лет только за то, что, будучи членом сталинской комиссии по продаже шедевров мирового искусства из наших музеев за границу, попросил оставить, не продавать эскиз к «Портрету Иннокентия X» Веласкеса. Сычёв его в молодости копировал под руководством Репина. Двадцать лет – только за это. И когда вернулся, не потерял оптимизма, продолжал работать.

Замечательный искусствовед А. И. Анисимов погиб на Соловках. Забыт искусствовед мирового значения Павел Павлович Муратов. Инженер-путеец стал искусствоведом. Путешествовал по Италии, написал трёхтомную книгу «Образы Италии», которая выходила до революции. У нас теперь только издана. Итальянцы говорят, что у них до сих пор не написано ничего подобного. В эмиграции выпустил ряд интереснейших работ по древней живописи, по Византийскому искусству. За «Историю белой армии» был отмечен французским правительством орденом. Уехал в Ирландию, стал фермером. Когда умер, все ирландские фермеры шли за его гробом – был выдающимся фермером... Одно можно сказать: таких людей надо возвращать русской культуре.

После войны в Новгороде и в Пскове был совершен подвиг – за несколько лет все разрушенные храмы были буквально подняты из земли. Один только А. Греков из 360 квадратных метров росписей XIV века в церкви Спаса на Ковалёве в Новгороде, разрушенной буквально до земли, восстановил 200 квадратных метров. Это ли не подвиг русского человека? Наше счастье, что есть такие люди, как Валентин Лаврентьевич Янин, который возглавляет новгородскую археологическую экспедицию. Вот действительные герои.

Сейчас, когда жизнь моя далеко перевалила за свой полдень, отчётливо ощущаю я с Божией помощью, что основной смысл и истинное счастье земного бытия – радость общения с людьми, которым свыше дана судьба хранителей духовных устоев, молитвенников за окружающих их ближних, праведников, без которых не стоит Отечество.

Встречи мои с подвижниками, истинными страдальцами, не склонившими головы перед тяжкими невзгодами и лишениями, но сохранившими просветленность души и стойкость духа, не сегодня начались. Родичи мои и их близкие друзья, на себе испытавшие мощь и беспощадность «красного колеса», изгнанные с родных земель, испокон века любимых, кормящих и пестующих, не отказавшиеся от веры и молитвы, были первыми наставниками мальчишки, воспитывавшегося на барачных улицах неподалёку от стен Московского Кремля. Ведомый Божественным провидением, пережив с помощью чудесной моей мамы послевоенные голодовки, стояние в длинных очередях за бутылкой постного масла и буханкой ржаного хлеба, отсобирая на продажу грибы и ягоды в щедрых лесах Подмосковья, попал я в святая святых русской науки – Московский университет и здесь имел неоценимую возможность окормляться от чудом уцелевших представителей старой профессуры, прошедших через тернии ГУЛАГа и оставшихся людьми, несущими духовный свет до конца жизни и способными увлечь своими идеалами молодых учеников.

Служебные поездки в русскую провинцию, начавшиеся с первых курсов университета и продолжавшиеся, когда я начал работать во Всероссийском реставрационном центре, открыли передо мною мир чистый, населённый удивительными людьми, живущими и творящими наедине с нетронутой тогда ещё природой и уцелевшими в «вихрях враждебных» памятниками древнерусской культуры. Регулярные командировки в города России (две трети сознательной жизни провёл я вне Москвы) спасли меня от тлетворной чиновничьей и окологосударственной

турной столичной атмосферы, способной поглотить и изуродовать и более стойких людей, чем я. Сколько открытий, крупных и обыденных, посчастливилось мне сделать в музеях, монастырях, заброшенных деревнях и крестьянских домах, донести эти открытия до современников, заставив их восхищаться художественным наследием талантливых наших предков! Находясь же неподолгу в родной Москве, открывал я исключительно бутылки в ресторане Дома кино и за столом в богемной моей подвальной мастерской. Москва была мне мачехой, а мать – Русская провинция. Отношение к этой матери высказал я в начале девяностых годов, написав вслед за Валентином Распутиным приветственное слово начавшему тогда выходить в Новгороде, Пскове и Твери замечательному журналу «Русская провинция».

«Вижу надежду...»

Русская провинция... Как много значит это понятие не для одной только России, но для всего человечества! Не квасной патриотизм, а подкреплённая многотысячными историческими фактами и подлинными документами осведомлённость позволяет мне быть уверенным в мировой судьбоносности русской провинции. Да и личный опыт, когда большая часть жизни состоялась, по счастью, в самых различных уголках Отечества, отдалённых от суеты и праздного шума столичных городов, убеждает в изначальности нашей провинции, давшей возможность становления русской нации, сотворения её образа, утверждения самосознания и культурной мощи.

Сегодня, когда буквально на глазах гибнет святая святых – наш отчий дом, когда каждая встреча, каждый разговор с жителями провинции начинаются и кончаются вопросами: «За что нам такое? Почему всё так ужасно? Когда пройдут эта нищета и эта безысходность?» – понимаешь, что только с возрождением провинции можно связывать надежды на спасение.

Мне Карелия снится

У каждого русского человека свой идеальный образ России, свои наиболее близкие места, своё представление, «с чего начинается Родина». Я, например, больше всего люблю Землю Псковскую – Печоры, Изборск, Малы, Святые горы и сам древний Псков. «Отсюда пошла есть Земля Русская». Но если говорить о собирательном образе России, то, скорее всего, для меня он ассоциируется с Кижами. Дух отшельничества, уединённого монашества, подвижничества и колонизации северных земель – всё это здесь, в Заонежье, где находились новгородские пятины – окраинные владения богатого и мощного города. Мне посчастливилось жить в деревне Ерснёво, что напротив Кижей, в прямом соседстве с одним из самых богатых пятинных поселений – селом Боярщина. Сейчас оно огнило и полуразрушилось, а раньше к крепко срубленным просторным домам с богатыми амбарами причаливали ладьи новгородских ушкуйников, крепко соблюдавших интересы вольнолюбивого города. А в позапрошлом столетии жил на Боярщине знаменитый сказитель былин Щеголёнок, чьё северное пение слушали и в имперских покоях, и в доме графа Л. Н. Толстого. Из окон ерснёвского дома, где я нашёл постоянный приют, как на ладони видны кижские многоглавые храмы – хранители заонежских традиций, символы высочайшей художественной культуры Русского Севера.

На веслах по Онежскому озеру

Незадолго до пресловутой перестройки ушёл из жизни Борис Елупов, а чуть раньше умерла его дивной доброты жена, воспитавшая шестерых детей. Двух сыновей в пьяных драках зарубили удалые местные парни. Покоятся они с родителями на кижском погосте. В этот же приезд вместе со старшим сыном Бориса Юрием провели мы день у их могил, которые расположены напротив родного дома, и, кажется, не будь между ними пролива, они как бы и не уходили из дома. Сидя на кладбищенской лавочке, вспоминал я милых сердцу людей, драгоценные частички Заонежья. А лет двадцать назад в домике музейном – что неподалёку от погоста – раскрывал я иконы XVII века, украшавшие некогда церковь в деревне Челмужи.

Прекрасные дни выдаются в Карелии поздней осенью. Я люблю изменчивость октябрьской погоды. Синее безоблачное небо вдруг застилают беспросветные тучи, волны тяжелеют, вода становится чёрной и тревожной. Несколько минут льёт холодный дождь вперемежку с градом. Мгновение – и снова солнце господствует, как будто и не было шторма. Загорается прибрежное золото тростниковых зарослей, голубеет озёрная гладь. Кажется, кто-то волшебным жестом снял черное покрывало и оживил сказочное царство света и цвета.

Я вспомнил причуды карельской осени, раскрывая челмужские иконы: чёрная густая олифа свободно удалялась с живописной поверхности. Краски буквально полыхали синими, красными, жёлтыми оттенками, когда я снимал компрессы. Они были живые, словно почерпнутые из воды, подсмотренные на небе, поднятые с земли. Я долго не мог заснуть в тот вечер, возбуждённый открытием праздничной гармонии. Окна мастерской, стоявшей у кромки кижского берега, выходили на водную гладь. Лучи солнца осветили пробуждающееся озеро и живопись челмужских икон. Пейзаж за окном и древняя живопись были сотканы красками с одной палитры. Художник сумел, не выходя за пределы иконописной символики, дословно повторить северную цветовую фантазию и запечатлел с помощью искусства красоту окружающего мира, пропел гимн природе озёрного края.

В долгие годы болезненной изоляции снились мне Кижы и елуповский дом. Боялся, что погибнет моя любимая деревня. И переживал не напрасно. Юрий Борисович Елупов с трудом справлялся с непривычной для профессионального инженера ролью деревенского фермера. Но Бог не оставил наше гнездо на произвол судьбы. Внук Бориса Елупова, Вячеслав Юрьевич, стал хозяином крупного маслозавода в Петрозаводске, а зять Юрия Борисовича, Илья, строит первоклассную уютную гостиницу в Ершёве. Пробурили стометровой глубины скважину, в номера гостиницы поступает серебряная вода. Давалось всё нелегко молодым ребятам, да и самому Юрию Елупову и его жене ой как приходилось вкалывать, обихаживая коровушек.

В Петрозаводске, как и во Пскове, пришлось мне посетить кладбище: пока я вынужденно отсутствовал, здесь появились могилы замечательных моих друзей-коллег, талантливых скульпторов Лео и Хенно Ланкинен, тонкого графика и поэта Алексея Авдышева, замечательного дизайнера, скульптора и художника Эдуарда Акулова. Сопровождала меня в траурном визите любимая моя карельская художница Тамара Юфа (Чванова), дочь елецкой кружевницы. Сорок лет назад увидел я её очаровательный «Ладвинский пейзаж» на республиканской выставке и с тех пор покорён дивными её иллюстрациями к «Калевале», поэзией тонкой живописи и графики прекрасной Тамары. Сейчас она много времени проводит в церкви, но работы не оставляет, понимая, что труд – высшее служение наше на Земле. Я рад, когда ощущаю теплоту, исходящую от её живописных работ, теплоту, полученную от доброй её мамы, простой русской кружевницы, всю жизнь отдавшей работе и воспитанию талантливой дочери.

В конце 2002 года в Петрозаводске закончили реконструкцию Музея изобразительных искусств. Приехав на торжества по случаю его открытия, я получил сильнейший эмоциональный заряд. Петрозаводский музей не уступает самым современным хранилищам изобразитель-

ного искусства. Переоборудованный на высшем профессиональном уровне, он, безусловно, стал центром культурной жизни Карелии.

Во время освящения открываемого музея его директор Н. Вавилова представила меня местному владыке Мануилу. Он тепло приветствовал меня, поблагодарив за труды по спасению и реставрации северных икон.

Сорок с лишним лет живу я с Карелией в сердце и благодарен Богу за щедрый его дар общения с людьми Заонежья, его природой и нетленным искусством местных мастеров.

Тихая моя Вологда

Прошло более сорока лет с того дня, когда посчастливилось мне впервые прикоснуться к чуду созерцания росписей Рождественского Богородицкого собора Ферапонтова монастыря, а помнится и сегодня та встреча в малейших подробностях, цветовых оттенках, тончайших нюансах духовной радости и неземного восхищения.

Колёсный пароход «Фёдор Достоевский» вечером отходил от вологодской пристани и потом двое суток неспешно пробирался через реки, озёра, шлюзы и каналы к городу Кириллову, а оттуда по просёлочной дороге рукой было подать до Ферапонтова монастыря. Посетителей и туристов тогда было совсем мало, и мне, командированному сюда Всероссийским реставрационным центром, никто не мешал работать и наслаждаться творением Дионисия и его сыновей. Очутившись в соборе ранней осенью, когда хрустальный свет словно растворял в себе драгоценное звучание многоцветной дионисиевской палитры, я воочию представил, какую Божественную радость чувствовали мастера бригады Дионисия, закончив росписи Богородицкого собора. Такой точно восторг, наверное, испытывал Джотто, работая в храмах Ассизи, Микеланджело, самозабвенно украшавший фресками Сикстинскую капеллу, и, в конце концов, Пушкин, поставивший последнюю точку в «Борисе Годунове».

И рабочая часть той поездки одарила меня щедрым открытием. На деревянной скамье в притворе собора я увидел две большие иконные доски с аккуратными окошками реставрационных расчисток, сделанных, как потом оказалось, в двадцатые годы. Краски иконы перекликались с палитрой дионисиевских фресок, а в музейной инвентарной книге значилось, что они происходят из местного ряда иконостаса Рождественского собора. Я только что отобрал в Вологодском музее два десятка икон на реставрацию в Москву и сильно порадовался такому уникальному пополнению моего списка. Но один из старых специалистов, задававший тон в тогдашней деятельности Всероссийского центра, до сих пор не знаю почему, сказал, что находка моя гроша ломаного не стоит, и отказал в её вызове на реставрацию. Слава Богу, в Русском музее мне удалось рассказать коллегам о чудесном «ферапонтовском явлении», и они, не откладывая дела в долгий ящик, в тот же год доставили обе иконы в Ленинград, и теперь прекрасно отреставрированные шедевры являются украшением богатейшей экспозиции Русского музея, ибо написаны Дионисием или одарёнными его сподвижниками.

За сорок с лишним лет неоднократно возвращался я к берегам Бородавского озера по служебным делам; выбирая с группой Андрея Тарковского натуру к съёмкам фильма о Рублёве; сопровождая любознательных друзей или намереваясь в очередной раз окунуться в гармоническую благодать дионисиевских фресок. Конечно, Псков, Кижи, Ярославль, где провел большую часть жизни, стали местом почти постоянного пребывания, но и Вологодчина была мне дорогой и близкой.

Начиналось дорогое сердцу, вот уже почти полвека длящееся путешествие по летним дождём умытым улицам, ведущим от вологодского вокзала к кремлю. Сколько тепла и тихой радости исходило от пробуждающихся на рассвете деревянных домов, так непохожих друг на друга и так затейливо украшенных, что перед каждым из них невольно хотелось остановиться. От балконов, мезонинов, окошек с ажурными наличниками, ярким пламенем герани и синевой домашних фиалок струился «несказанный свет». Деревянное кружево, сотканное местными мастерами, поражало неудержимой фантазией и богатством орнамента.

В кремле расположен историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В послевоенную пору он мало чем отличался от краеведческих хранилищ России. Экспонаты имелись в изобилии – от археологических предметов II тысячелетия до н. э. до современных вологодских кружев и свидетельств Великой Отечественной войны. Но изучение их, а главное, показ зрителям, только начинались. Война давала о себе знать: многие раны ещё не заруб-

цевались, а неудержимая тяга к прекрасному, к сохранению памяти поддерживала музейных работников, возрождавших свои детища.

При посещении провинциальных музеев случаются самые неожиданные встречи с творениями старых мастеров. Я готов часами рассматривать собрания российских галерей. С какой любовью и заботой подобраны их коллекции! Каким вниманием окружён каждый экспонат! За каждой вещью чувствуется труд служителей музея. Это, как правило, удивительные люди, великолепно знающие свое дело, преданные ему и истинные патриоты местной культуры. Своими знаниями они делятся бескорыстно, получая удовольствие от общения с посетителями и стараясь как можно доходчивее рассказать о своей любви к экспонатам, чья история известна им, как собственная биография.

Николай Чудотворец. Ферапонтов монастырь. Дионисий. Роспись собора Рождества Богородицы

Реставратор-художник Вологодского музея Николай Иванович Федышин относится к славной породе людей, которым доверена судьба охраны художественного наследия на местах. «Столичные музеи так переполнены и загромождены, что после них хочется посмотреть что-либо попроще, провинциальное. Недаром все наши (вологодские. – С. Я.) вещи с таким интересом смотрятся приезжими посетителями» – это выдержка из письма Ивана Васильевича к Екатерине Николаевне Федышиной – один из наглядных документов, свидетельствующих о преданной любви этих людей к Вологодскому музею; любви, во имя которой сложили они свои светлые головы в кровавой мясорубке красного террора.

Николай Иванович это родительское чувство унаследовал с генетической закономерностью и продолжал их музейное служение с завидной последовательностью.

Пять тысяч. Таково примерно количество единиц хранения древнерусской живописи в Вологодском музее. Датируются памятники XIII – XIX веками. Если учесть, что любая доска требует внимательного отношения реставратора, а некоторые из них нуждаются в срочной профилактической помощи, можно представить, какой груз обязанностей в те годы был возложен на Николая Федышина. И справлялся Николай Иванович с ними безукоризненно, никогда не устраивая паники и не жалуясь на трудности профессии.

В тот первый приезд в Вологду я так и не понял, как Николаю Федышину удаётся существовать. Жизнь мало кого из нас баловала. Семья Николая Ивановича занимала маленькую каморку рядом с подклетом, где хранились сокровища древней иконописи. Трое детей и он с женой едва там помещались. Мы пытались сочувствовать ему, Коля или с улыбкой отмалчивался, или переводил разговор на рабочие темы. А в мастерскую он приходил всегда первым и с памятниками обращался так осторожно и любовно, что казалось, и нет у него других забот в жизни. Не только укреплял, расчищал и тонирил иконы. Изучал историю каждой доски, старался выведать её секреты и как можно больше узнать о тех, кто писал их в древности. И результаты превзошли все ожидания.

Направляясь в Ферапонтов на торжества по случаю 500-летия сотворения дионисиевских фресок, мы вместе с издателями «Российского архива» Алексеем и Татьяной Налепиными несколько часов провели в иконных залах Вологодского музея. Мне было радостно встретиться с памятниками XV – XVI веков, которые я когда-то реставрировал. Но особый восторг и неподдельное удивление вызвал у нас тот факт, что почти подо всеми многочисленными отреставрированными иконами стоит одна фамилия «врачевателя» – Н. И. Федышин. А рядом древние доски, чьему восстановлению мы обязаны детям и внукам легендарного мастера.

«Фёдор Достоевский» давно уже не плавает в Кириллов. Долго напоминал о прошлых поездках старый пароход, вытасненный на берег реки Вологды. Да и длинными покажутся туристам два дня, проведённые на палубе или в тесной каюте. Всего несколько часов занимает теперь путешествие до Ферапонтова в автомобилях по асфальтированному шоссе. И в самом селе не надо искать ночлег у сторожа музея или его односельчан: к услугам приезжих комфортабельная гостиница. Теперь многие смотрят фрески Дионисия, созданные великим мастером с сыновьями в 1502 году. Смотрят и сравнивают с фресками Леонардо да Винчи, Рафаэля, Джотто и Микеланджело. России повезло с дионисиевскими росписями. Сколько сокровищ унесли безвозвратно пожары, войны и многие беды, приходившие на нашу землю. А вот краски Дионисия сохранились в первозданной свежести. Разве можно не восхищаться сохранностью ферапонтовских фресок, вспоминая удручающее состояние росписей Святогорского монастыря под Псковом (1313 г.), отстающие от стен куски штукатурки церкви в Мелетове (XV в.) и многие другие запущенные ансамбли. О своём восторге перед изысканной красотой фресок Дионисия мне говорили почти все, кто имел счастье их созерцать, – от реставраторов до учёных-физиков, художников и кинематографистов.

В последние десятилетия широко обсуждалась дальнейшая судьба ферапонтовских фресок. Широко и иногда тревожно, до страсти. Нет сомнения – реставраторы должны повседневно следить за состоянием фресок Дионисия. Следить, но не вмешиваться активно в тонкую ткань авторского творения. Вот что писал по этому поводу один из наиболее верных ревнителей Ферапонтовского ансамбля, ведущий специалист Всероссийского ГосНИИ реставрации Г. И. Вздорнов: «Общее состояние сохранности фресок Дионисия можно признать хорошим. Если же быть более осторожным, то следовало бы сказать: относительно хорошим... Реставраторы старшего поколения, которые пользовались несовершенными способами промывки и укрепления фресок, мало работали в Ферапонтове, и живопись Дионисия почти не пострадала от некачественных растворителей. Но было бы неверно говорить, что фрески Ферапонтова надо законсервировать и пускать в собор туристов, но не пускать реставраторов...» В течение почти тридцати лет бригада опытейших специалистов ГосНИИ реставрации под руко-

водством О. В. Лелековой работала в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря и сделала всё возможное для продления нормального существования мирового шедевра стенописи. Труд этой бригады наряду с директором Музея фресок Дионисия М. В. Серебряковой удостоен Государственной премии России. Неудивительно, что юбилей фресок Дионисия сотрудники музея и его друзья отметили достойно и профессионально, а за дальнейшую судьбу, развитие и процветание жемчужины мирового искусства можно быть спокойным даже в наше нелёгкое и тревожное время.

Вологда – уникальный старинный город, и следовало бы осторожно обращаться с его памятниками. А они уничтожались буквально на глазах. Не пройдёте вы, дорогие читатели, по той сказочной дороге, что привела меня когда-то от вокзала к кремлю. Нет больше этих милых сердцу и глазу русского, да и не только русского человека видов. Не посоветовались современные застройщики со специалистами и не учли вот эту их рекомендацию: утрата исторически сложившейся рядовой жилой застройки влечёт за собой гибель ведущих памятников и безвозвратную потерю неповторимого в мировом градостроительстве архитектурного ансамбля старой Вологды.

От многих вологжан слышал я давно уже скорбные слова о непоправимой беде – гибели кружевных сокровищ деревянной Вологды. Вот что сказал об этом разрушении Василий Белов: «Вологда – ровесница нашей Москвы. Она имела когда-то свой неповторимый облик. Почему я говорю – имела? Да потому, что город во многом утратил и продолжает утрачивать своеобразие...»

Как грустно было смотреть в тот приезд на загаженные берега тихой речки Вологды, на разрушающиеся редкие по красоте дворянские и купеческие особняки, а рядом с ними – уродливые постройки в стиле дворцов «новых русских». Сердце сжималось при виде этого надругательства над незамутнённой когда-то чистотой и обаянием любимого города, вдохновившего Николая Рубцова на неповторимые строки о вологодских пейзажах, покораивших свежий ум одарённейшего поэта.

Новгород всегда Великий

Моя профессиональная реставрационная жизнь начиналась в Новгороде. В 1959 году город готовился к 1100-летию, и наш Российский реставрационный центр взял, как тогда принято было говорить, ударные обязательства. И всё лето бригады по 10 человек по месяцу, сменяя одна другую, трудились, восстанавливая иконостас Софийского собора. Есть такая легенда, что в XI веке при строительстве и росписи соборного храма изображение Пантократора в куполе чудесным образом изменялось. Десница Спаса Вседержителя сжималась в кулак. Два раза художники переписывали фреску, но на третий день ими был услышан глас: «Пишите меня с десницею сжатою. В ней я держу Новгород. Когда она будет разжата, город погибнет». И действительно, это пророчество осуществилось в войну – купол был разрушен немецкой бомбой, и когда наши войска освободили Новгород, то увидели только четыре неразрушенных дома... Но после войны Новгород восстал из руин и землянок. Когда я приехал туда в 1959 году, то увидел Новгород, о котором так много читал и в летописях, и в книгах наших историков, – для меня это было открытие. Ведь Новгород – это символ тысячелетней России. Знаменитый памятник Тысячелетию России немцы демонтировали, собирались вывезти из Новгорода. Это им не удалось сделать. А вот Магдебургские или, как их ещё называют, Сигтунские врата, которые в своё время как трофеи были привезены в Новгород в XII веке, – они так и стоят в Софийском соборе. В этом есть особый смысл.

Задачей нашей реставрационной бригады не была окончательная реставрация. Нужно было привести огромный иконостас собора в порядок. Местный ряд, Деисусный чин и праздники – всё нуждалось в реставрации. Это был фантастический объём работ. Много было всяких реставрационных задач и событий в моей жизни, но ту работу я не забуду. Работали порой ночами. Жили прямо в кремле, в Грановитой палате, где стояли раскладушки, лежали матрасы на полу. Атмосфера была такая, как будто мы все братья... Никаких конфликтов, скандалов: только работа, работа, работа. Радость по поводу первой отреставрированной иконы. Помню, как хотелось быстро всё сделать. Но учитель наш, опытный реставратор Виктор Васильевич Филатов, говорил: «Ребята, всё будет нормально, но только не спешите...» Заделывались те места на иконах, где были огромные дырки от осколков снарядов, где-то и доски были выбиты. Мы и доски вставляли, и тут же накладывали грунт... Это не была окончательная реставрация. Но хотелось, чтобы в дни 1100-летия города люди увидели восстановленный иконостас.

Великий Новгород. Памятник Тысячелетию России

Как символ того, что случилось с Новгородом, мы сохранили кусок снаряда в иконе – прямо в сердце юного Дмитрия-воина попал осколок...

Новгород я полюбил. Полюбил всей душой, всем сердцем и не представлял себе, чтобы какой-то год я там не побывал.

Сейчас вспоминаю реставратора Александра Петровича Грекова – человека удивительной судьбы. Эмигрант первого поколения, он совсем юным покинул Россию – и вся молодость

прошла во Франции. Потом война, немецкие лагеря. Там, в лагере, он встречает русскую женщину. А в 1951 году возвращается в Россию, к счастью, попадает в Ярославль. И начинает работать там в реставрационных мастерских, занимается изготовлением изразцов ярославских храмов, реставрирует иконы. Вскоре приезжает на стажировку в Москву – к нам, во Всероссийский реставрационный центр. Для него было событием то, что он попал в Центральные реставрационные мастерские, а для меня – то, что я впервые увидел живого эмигранта. Человека высокой культуры, который читает Ходасевича, с кем был знаком лично, рассказывающего о Бунине, на вечерах которого он бывал. Так зародилась между нами дружба. Я его каждый вечер водил к себе, в барак на Павелецкой набережной, ужинать. Мама моя его тоже полюбила. Александр Петрович очень быстро получил квалификацию, звание художника-реставратора первой категории. А потом жизнь у него так сложилась, что он переехал в Новгород, где продолжил заниматься реставрацией. Храм Спаса на Ковалёве стоял в руинах. Фрески XIV века до войны, в описании которых принимали участие мой учитель Сычёв со своими друзьями Окуновым, Мацулевичем и Мясоедовым, были разрушены. Но эти кусочки можно было собрать. Тогда был явлен один из великих реставрационных подвигов. Ведь сначала в храме работали минёры, там остались неразорвавшиеся снаряды.

Я помню, как после первых двух лет работы Греков приехал в Москву и говорит: «Савелий Васильевич, посмотрите, вот собраны первые фигуры, буквально как мозаика, из фрагментов. Вот юный воин, вот святитель».

Бригады к нему стали ездить. Студенты из Москвы на практику из архитектурных, художественных институтов приезжали. Всё больше фрагментов удавалось восстановить. Огромные полутораметровые фигуры стали собираться из праха, из осколков. Это как фантастическое кино, на глазах это всё восстанавливалось.

Позже в ЮНЕСКО была сделана выставка «Спасенные фрески». Издали великолепный каталог, и выставка поехала в Париж. Это была и для Парижа сенсация. Выставку показали в Москве, в Петербурге. И когда я болел, Александр Петрович, сам уже старый, мне присылал письма, написанные таким типично русским дворянским почерком...

Очень хочется, чтобы в Новгороде был музей фрески. Основные фрески новгородские – они сейчас на месте, в церквях, но в этом музее можно показать историю спасения фресок.

Вторая тема, связанная с Новгородом для меня, – это археология. Это не моя основная профессия, но здесь мы имеем дело с целой вселенной. За годы работы в Новгороде я очень подружился с академиком Валентином Лаврентьевичем Яниным. Это человек, который шестой десяток лет занимается археологией, он второй после Артемия Владимировича Арциховского руководитель Новгородской археологической экспедиции. Для меня бывать на собраниях археологов было счастьем и несказанным удовольствием. Их обстоятельные отчёты, их лаборатория, где они промывают, расчищают свои драгоценные находки, свидетельствуют о блистательном уровне подготовки и образования. Вот раскапывается усадьба древнего художника, где находят инструменты, заготовленные доски, пигменты красок. Восстановлена усадьба Олисея Гречина – иконописца, который работал в Новгороде. Или, представляете, находят азбуку, писанную по берёсте. Я ходил на раскопы, смотрел, как это делается, – труд колоссальный.

Валентин Лаврентьевич Янин – человек абсолютной искренности, скромный, рассказчик феноменальный. Я жалею, что не записывал многие его истории. А потом у него хобби: он собрал десятки тысяч дореволюционных граммофонных пластинок – все в великолепном состоянии. Когда я приехал, он в одной из недействующих церквей проводил вечер для публики, прокручивал эти свои пластинки, очень интересно рассказывал. Это и есть интеллигент, а не образованец. Моё возвращение в Новгород – это вечера, проведенные в разговорах с Яниным. Конечно, он жаловался, говорил, что не то нынче время. Раньше интерес был больше к

истории, к нашей работе. Сейчас, говорит, мы мало кому нужны. Но это не значит, что снижается темп работы. Каждое лето – новые уникальные находки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.